Цена номера 15 коп.

№ 2 | Издание „Рабочего Края" | 1924 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Неунывающий.

Ехидный.

Хозрасчетливый

(но недорогой).

ТОЛЬКО ЗА 15 КОПЕЕК.

И без всяких упылок, утечек, усушек, калькуляций и прочих коммерческих вывертов

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ.

В изящной упаковке из отличной бумаги с каррикатурами, шаржами, зарисовками

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

БУДЕТ ОТПУСКАТЬ

НА СТО ЧЕРВОНЦЕВ СМЕХА.

БОДРОГО, ЗДОРОВОГО.

ВНИМАНИЕ! Мещанам, совдуракам, пьяницам, бездельникам, торгашам, попам, казнокрадам, меньшевикам, эсерам, плохим хозяйственникам, спекулянтам и остальной болотной мошкаре

Бесплатная премия:

1. Вагон неприятностей.
2. Тысячи ушибов.

Примечание: Оптовикам, посредникам, частным хозяйчикам никакой скидки, рассрочки и кредита.

ЕЩЕ РАЗ ВНИМАНИЕ! При подписке на месяц—рабочему читателю в четыре раза больше удовольствия, а Веселому Ткачу **60 коп. подписной платы.**

Второе примечание: нерасчетливые люди, избегая подписки, а покупая в розницу, расходуют лишний пятачок в неделю, двадцать копеек в месяц, а в год два с половиной червонца, сиречь золотую наличность демократической Германии и ежедневную выручку кооперативного магаз. в нашем засоренном семячками городе.

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ квартирует на Михайловской ул. в Ив.-Вознесенске (вместе с газетой Рабочий Край и журналом Красный Ткач). Телефоны: Редакции 2-14 и Конторы 3-23.

Исповедь.

Батюшка исповедает на левом клиросе. Говеющие шагов за десять от клироса, чтобы чужих грехов не слышать. Понурив головы, кающиеся подходят скорбной поступью к исповеднику, падают к его ногам, потом начинают шептаться с ним.

На клирос поднимается рослый рыжеусый мужчина в ярких новых калошах. Новая шуба расстегнута и видна толстая золотая цепь поперек живота. В левой руке бобровая шапка. На голове плешь.

— А, Михаил Иваныч,—обнажает улыбкой гнилые зубы батюшка.

— Мое почтение, отец Герасим.

— Как поживаете?

— Благодарим покорно.

— Супруга здоровы?

— Вашими молитвами.

— И детки слава богу?

— Что им делается! Митька пьянствует вторую неделю. Женить что ли его, отец Герасим? Авось, образумится при бабе.

— Дело хорошее. Невесту надо приглядывать.

— Искать будем.

— А торговля как?

— Жаловаться нельзя. Только эти дьяволы, прости Господи, налогами замаяли. А перед масляной штраф взыскали.

— За что?

— Кухарке в щеку с домашнего расстройства двинул. Она в суд. Ну, и того... Двадцать червонцев из кону вон.

— Прогнали кухарку?

— Пока терплю, а то снова оштрафуют, ежели сразу. Знаете, какие времена нынче. Профсоюзы, биржи, то, да сё. Еще в тюрьму запрячут.

— С них станется. Не поглядят, что почтенный человек.

— Времячко!

— Напасть!

— А что вы, отец Герасим, в прощеное воскресенье не пришли к нам?

— Живот сильно болел, Михайло Иваныч. У Капустиных в субботу блины с семгой ел, а рыбка то—видно—того, с ремизом.

— Совсем тухлая, отец Герасим. У меня покупали. Я по знакомству предупреждал, а оне дешевкой прельстились. Чу, гости съедят и тухлую.

— Ах, свиньи. Я думал, помру животом.

— Недостойная семья, отец Герасим. Век свой обманом, да подлостями живут.

— Не может быть!

— Провалиться на этом месте! С этого и разбогатели.

— Скаж-жите пожалуйста...

— Ой!—хватается вдруг за бок шуба.

— Что с вами?—участливо справляется батюшка.

— Под ребра стреляет. По моему, с винища это. Переложил малость на масленице.

— А вы к доктору сходите. Не с почками ли что?

— Не верю я докторам, отец Герасим. Подлая нация. Норовят в карман больше, а не помощь оказать ближнему.

Шуба достает из кармана бумажник. Батюшка, накрыв епитрахилью плешь собеседника, торжественно и уже не шопотом возглашает:

— И аз недостойный иерей, властью данной мне... прощаю и разрешаю... *К. Кубов.*

— Отец,—сказала нищая,—
Подай на пропитанье!
Четвертый день без пищи я...
А поп ей в назиданье:
— О, сколько зрю у бога я
Деяний пречудесных!
Голодная, убогая,
Взгляни на птиц небесных!
Вон серые воробушки
Резвятся на морозе.
Они своей утробушке
Находят харч в навозе!
Бог благ. Ты лишь покличь ему,
Тряхни пустой утробой...
Попробуй-ка по птичьему!..—
А баба:
— Сам попробуй!..

Поэт-попоед.

Когда выходит Веселый Ткач,

Среди совбуров не смех, а плач

Покупатель.

Покупатель сейчас одна из самых почтенных фигур на горизонте. Появление хорошего покупателя в магазине можно сравнить с восходом солнца в весеннее утро. Когда величественное светило поднимется над озябшей за ночь землей, вся природа—люди, звери, птицы, рыбы, насекомые—все, не исключая кооператоров, радостно улыбаются свету и теплу. Когда покупатель входит в магазин, его встречают улыбкой восхищения и преданности, хозяева почтительно сгибают спины, приказчики весело чирикают, кассирша уже готова заключить в свои горячие объятия не покупателя, конечно, а его дензнаки.

— Чего изволите-с?—червяком юлит перед дядей в тулупе приказчик частного торговца.

— Судак соленый требуется,—говорит дядя.

— Судак-с? Ах-с, простите-с, судак-с весь вышел-с, кудах-тах-тах. Купите селедку-с, вполне заменит судак-с. Отличная селедка-с.

— Покажь.

Дядя внимательно разглядывает рыбину и тычет пальцем в жирного червя, который праведным сном почил в жабрах.

— Не извольте-с беспокоиться,—утешает приказчик.—Сущие пустяки и простая случайность. Это веревочка-с прилипла-с. Поверьте совести-с.

— А для чего воняет?—вопрошает дядя.

— От запаха-с. Каждый предмет имеет свой аромат-с. Впрочем, можно скидочку. Исключительно с вас возьмем за селедку пятачок-с. Прикажите завернуть десяточек.

Частный торговец никогда не отпустит покупателя, не положив его деньги в свою кассу.

— Гражданин!—вопиет торговец из двери вслед покупателю, который не сошелся в цене.—Гражданин, девять с полтиной!

— Семь,—ответствует уходящий.

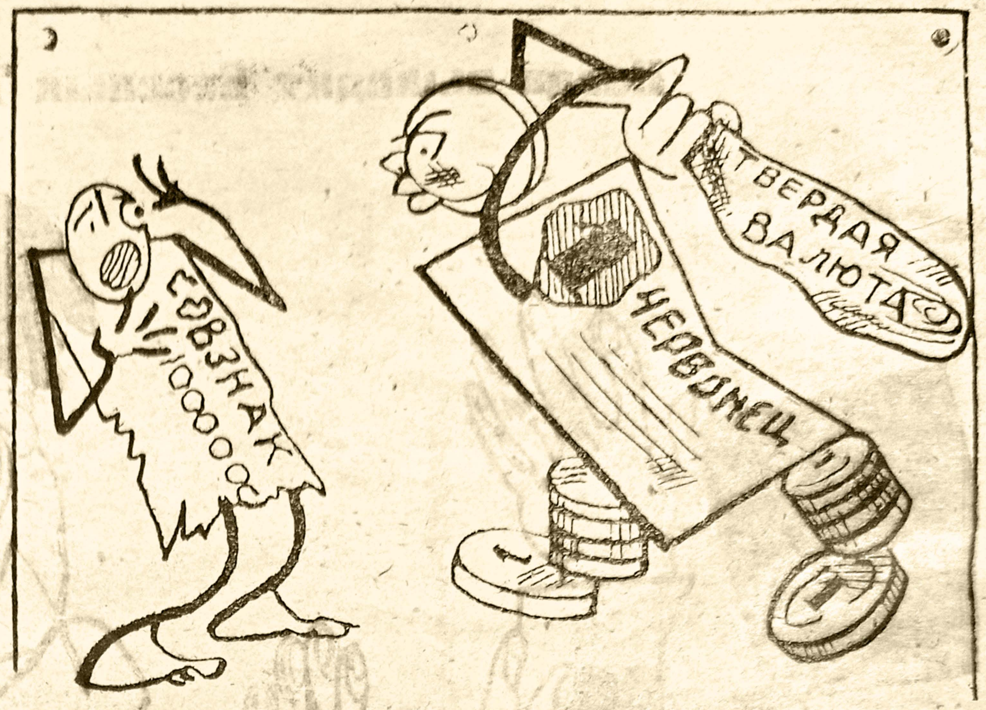
— Восемь! Только для вас! Пускай разорюсь.

Впрочем, и госторговля не зевает в поисках покупателя.

Недавно наш Ивгум не пожалел ста червонцев и через журнал Красную Ниву всю Россию известил, что в городе Иваново-Вознесенске Ивгум торгует бакалеей, винами и мануфактурой. И не зря потрачены были червонцы. В этом мы убедились, встретив в Ивгуме одного знакомого из Харькова. Он приехал к нам только для того, чтобы купить в нашем Ивгуме—на копейку дрожжей.

— Зачем я буду покупать дрожжи в Харькове, когда их можно купить в Иванове,—объяснил приезжий свой визит в наши края.

Квадрат.

Эпитафия.

Погиб совзнак. Он трудный путь прошел.
Да, этот путь был горек и тяжел!
Не раз наш странник падал на пути,
Но надо было двигаться, итти.
Несчастный! он не мог передохнуть,
И он вставал и шел в дальнейший путь.

Теперь совзнак под гробовой доской
Вкушает мирно сладостный покой.
Покойся, друг! Мир праху твоему!
Твой прах теперь ненужен никому.
Валюту твердую всем сердцем полюбя,—
Неблагодарные,—забудем мы тебя!

Семен Овский.

Разговор прохожего с пожарным.

«Когда мимо пожарного сарая при ст. Иваново проходит брандмейстер М., пожарный колокол звонит два раза».

Депо. Кругом пожарные
В блестящих касках бродят.
Чу, в выси лучезарные
Веселый звон восходит.

— Товарищ, вы не скажете,—
Прохожий вопрошает,—
Зачем леса и пажити
Звон громкий оглашает?

— Брандмейстер на базар пошел,—
Ответствует пожарный,—
Вот отчего, как пенье пчел,
Летит малиновый глагол
К лазури лучезарной.

— Но он в минуту данную
Не архирей, надеюсь?..
Простите эту странную
И смелую идсю-с!..

— Что архирей! Груз горьких дней
Влачат они, хирея...
Брандмейстер наш куда видней
Любого архирея!..

Пожарный замолчал, а звон
Глох в небесах алмазных.
О, этот звон, пожарный звон!
Как много дум наводит он,
Как мухи, неотвязных.

А. Троицкий.

Из записной книжки, найденной на улице.

Предупредить бухгалтера, что в четверг внезапная ревизия придет.

Две точки.

Из новых пословиц.

Гум—хорошо, а два хуже.

Кар.

Тост.

«Друзья,
Я
Пью
За нэп, который нас так нежит»!..

От «Веселого Ткача». Нэп есть свинья. А каждую свинью в конце концов, обыкновенно, режут.

Он и она.

... торговля в деревне всецело находится в частных руках...

Из газет.

Живут они хотя и в соседстве, но не в дружбе. Дело ссоры, в сущности, с пустяков началось. Годика три тому назад приходит он еще совершенно мальчиком.

— Здравствуйте, мадам-товарищ! Неугодно-ли вам со мной разные дела иметь?

— Почему не так-с. Для нас такие люди — настоящий клад! Хочешь — в агенты, хочеш в уполномоченные.

— Нет-с, мадам, —на процентиках. Так лучше для нас и для вас.

Через годик он нос повернул направо.

— Дальше, тетенька, никак не можем. Вот если бы в кредит...

— С нашим удовольствием.

— Маленькую скидочку.

— Оптовикам всегда.

Еще через год приходит опять. Высматривает он уже солидным господином и посмелее. Сел к ней на диван, а ей так стало тесно, что заорала благим матом:

— Ой, вы прижали меня!

С тех пор водить дружбу перестали.

Их приметы:

— Он-господин Нэпо, с солидным брюшком, жирным подбородком, не по фигуре одевает брюки «галифе», с широкими карманами, а она — худенькая ЕПО, в юбочке клеш, совершенно без карманов.

Андрей.

Неисправимый курильщик

Экзамен политграмоты на курсах для переподготовки шкрабов.

Экзаменатор суров, испытуемые волнуются.

— Что такое религия?

— Религия есть опиум для народа и орудие класса богачей для эксплоатации угнетенных.

— Достаточно Вы знаете предмет довольно удовлетворительно

— Слава тебе, господи, вы ержал по всем предметам, —радостно крестится бородатый ученик, выйдя из класса.

Максим.

Великопостное.

„Блям... блям...
К нам!..
В храм!“—..:
Тощий, хилый
И унылый
Звон восходит к небесам.
И плетется темный, косный
На призыв великопостный
И несет деньгу попам.
И идут, идут старушки
На „божественный глагол“...
Недалеко-ж от церквушки
Приютился комсомол.
Там растет и крепнет новое,
Молодое да здоровое.

Ой, как силен этот рост!
Страшен он церковной гнили.
Он—родня весенней силе.
Трепещи великий пост.

——

„Блям . блям...
К нам!..
В храм! ..
Помолиться. .
Попоститься“...
А на крышах там и сям
Март в ответ на звон церковный
Песни радости любовной
Шепчет кошкам и котам.
И, стремясь к любви греховной,
Под покровом темноты
Песней радости любовной
Заглушают глас церковный
Разомлевшие коты.

Он-же.

У известного доктора.

— Снимай, старик, пиджак и рубашку!

— А в чем, батюшка, я домой пойду? Нельзя-ли деньгами взять?

Максим.

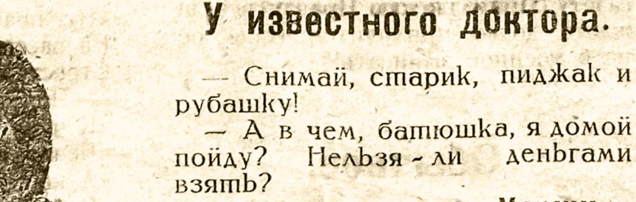
Грамотный.

В больнице.

— Раскройте рот и тяните букву „а“, чтобы мне лучше в горле видеть.

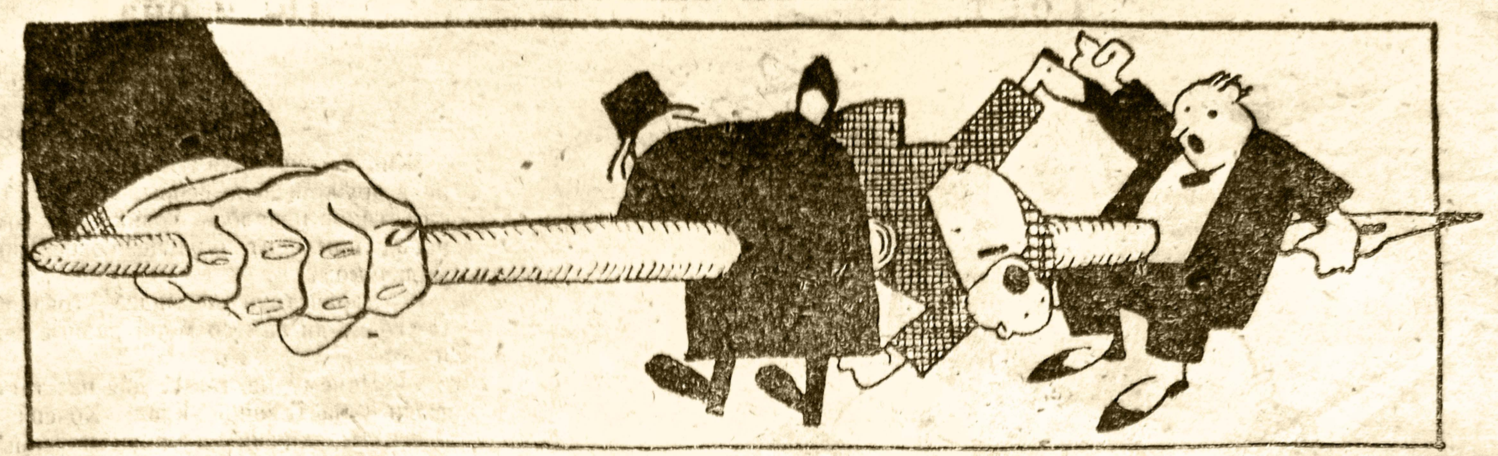
— Ежели надо, я всю азбуку могу. Я среднюю школу окончил.

Максим.

На штыке Веселого Ткача

Задача для грамотных.

Из грамоты на Иваново-Вознесенских столбах и заборах:

„АНОНС“.

„Седьмого — восьмого — девятого марта в помещении бывшей женской гимназии устраивается грандиозный трехдневный концерт-бал. Гулянье, лотереи и прочее. Весь доход идет на ликвидацию неграмотности в губернии“.

Устроитель „Об-во Долой Неграмотность“.

Три дня с утра до утренней зари в огромном помещении школы 2-й ступени стоял дым коромыслом, устроенный грамотным «Обществом Долой Неграмотность». Два дня (десятого—одиннадцатого марта) уборщицы с биржи труда лопатами, граблями и метлами выгружали мусор после неграмотного гулянья. Итого пять неграмотных дней, в которые несколько сот учеников 2-й ступени не занимались в школе по случаю грандиозного концерта-бала. Предлагается грамотным решить: сколько неграмотных дней и ночей, школ, уборщиц, лопат и метел потребуется для окончательной ликвидации неграмотности в нашей губернии или достаточно одного хорошего березового веника для «Общества Долой Неграмотность»?

Вентилятор.

Без дела не входить.

На двери:
— Без дела не входить.
За дверью:
— Пошли мы сначала к Василию Егорычу. После бланков, тяпнули малую толику, отправились к Петру Петровичу. Выпили, закусили и в преферанс играть сели. До семи часов утра сражались. Сегодня к Илье Назарычу пойду грибную икру есть...

Флюс.

Совдурацкий смотр.

Кинешемский журнал „Колотушка“ в Кинешемской газете „Приволжская Правда“ уведомляет, что устраивает в городском театре *„смотр всех кинешемских совдураков“.*

„Колотушка“ молчит о количестве своих экспонатов, которые можно определить лишь по размерам кинешемского театра, — последний довольно обширен.

Не в пример прочим, кинешемские совдураки благодушные люди, раз согласились на свое публичное обозрение Колотушкой.

Смотр красавиц.

Вообще, кинешемцы не любят праздной и бездельной жизни. Кинешемская газета „Приволжская Правда“ сообщает, что в том же театре состоится конкурс кинешемских красавиц. К сожалению, газета не сказывает, кто устроители конкурса красавиц: кинешемские совумники или кинешемские совдураки.

Кинешемская скромность.

Газета кинешемцев „Приволжская Правда“ в № 49 пишет на эту тему:

— „Что это почта долго, — озабоченно смотрел в окно Иван Герасимович.

Нервно встал и зашагал по комнате.

— Ага! Идут, наконец. Хорошую газету (Приволжскую Правду) всегда ждать долго приходится. Надо ее на 6 месяцев выписать!“

Обычное.

Мчатся пожарные. На улице крестится старуха:

— Батюшки, не мы ли горим?! Пронеси, господи!..

Прохожий:

— Не бойся, бабка. Это где нибудь ревизии ждут.

О черном козле Ивгума.

Правление Ивгума вернуло Раб. Краю счет за объявление о пропаже черного козла. Причина: цена козла 12 руб., стоимость объявления 30 руб. Правление расчитывало, что сообщение о пропаже козла будет напечатано в хронике.

В Ивгуме жил козел.
Козел солидный. Гордый.
Презревши рабства горький плен,
Потряс своей козлиной мордой
И—тягу из Ивгумовских стен!
В Ивгуме—паника. Стучат в «Раб. Край».
— Товарищ, выручай!
«С Ивгумского двора
«Козел удрал!
«Звони во все концы про это,
«Любезная газета!
— Готов служить,—«Рабочий Край» пропел
И, не теряя время даром,
Он объявленческий отдел
Потряс отчаянным ударом:
— Ивгумовский козел осмелился бежать.
«Держать его, держать!
Представлен счет:
— С вас тридцать золотом течет,
«За объявление о том, чья голова
«Не выдержала вашего хлева».
— Такую сумму—за козла?
«Ему цена всего—двенадцать.
«Рабкрай изволит насмехаться!
«Ну, нравы ныне! Ну, дела!»
На заседании правленья
Страстей и голосов кипенье:
— Не платим! Не должны платить!
«К чему в отделе объявлений
«Печатать наше извещенье?
«А не среди статей пустить?»
«Рабочий Край» послание прочел,
Рабочей головой потряс угрюмо—
И в тот же день завел
«Одел Правления Ивгума».
В отделе том сверхштатный хроникер
Отныне освещать обязан
Привычным хроникерским глазом
Бродячий скот и всякий скотный двор.

Прохожий бес.

Штраф побудил.

— Гражданин Охапкин Матвей! Вы обвиняйтесь в том, что произвели покражу дерева в казенном лесу посредством пилы и увоза оного из оного. Признаете себя виновным?

Охапкин Матвей, рябой мужик в сером валенке на правой ноге и черном валенке на левой ноге, говорит простуженным голосом:

— Дерево спилил, а вины своей не признаю. Вся деревня пилит, только не попадается. А я попался. Какая же моя вина тут?

На каком основании, гражданин Охапкин, вы расхищаете народное достояние?

Не понимаю, про что спрашиваешь,— мотает головой гражданин Охапкин.

— Вы украли дерево?

— Не привелось,— объезчик на дороге остановил.

— Это все равно, что украли.

— Не украл, а только спилил.

— Потрудитесь не вилять, гражданин Охапкин. Отвечайте на вопросы. Зачем вы спилили в лесу дерево?

— Значит, понадобилось, коли спилил. Без делов в лес не поедешь. Вона какая стужа на воле.

— Говорите по существу, обвиняемый. Для какой надобности спилено было вышеупомянутое дерево?

— Потому, как вещь стоющая и на базаре хорошую цену дали бы.

— Ага, следовательно вы совершили означенное деяние с корыстными целями продажи, а не в видах какой нибудь необходимости?

Так?

— Не понимаем эдаких слов,— мотает головой мужик.

— Ну, например, у вас не было какой-нибудь острой нужды в хозяйстве. Например, не думали вы означенное дерево употребить на... ну, например, на постройку оглобли?

— Нужда была это действительно, а насчет оглобли, так первый раз в жизни слышу, чтобы оглобли из бревен делали. Дитё неразумное не ляпнет такого.

— Не забывайтесь, обвиняемый, и потрудитесь сесть.

Перерыв. Через десять минут:

— Принимая во внимание и на основании вышеизложенного вы, гражданин Охапкин, должны уплатить штраф в размере восьми рублей золотом. Поняли?

— Понял, только где я возьму эти самые рубли-то?

Спустя некоторое время.

Там же.

— Обвиняемый Охапкин! Признаете ли вы себя виновным в том, что произвели покражу двух дерев?

— Был такой грех,— тяжко вздыхает обвиняемый.—Другим удается, а я второй раз попадаюсь объезчику. Надо бы мне другой дорогой, на Метелкино, а меня на Шевригино понесло.

— Что побудило вас пилить деревья?

— Штраф побудил. Восемь рублей золотом. Откуда у меня такие деньги?

И. М-в.

Про баню «Изолятор».

Помещается она в центре нашего достохвального трезвого города, на Нижнем базаре, где в понедельник деревенские мужики нам самогонку продают.

В установленный предками нашими всеробандень (всероссийский банный день), в субботу, отсидев в учреждении положенные шесть часов, вы направляетесь в баню с портфелем, в котором, как и все деловые люди, носите белье с мочалкой, дырявую щеблету к сапожнику, связку кренделей к домашнему чаю, завтрак на службу и проч. и проч.

Поднимаетесь по высокой лестнице, открываете дверь, входите в корридор и направляетесь за билетом к кассирше, которая говорит:

— В бане воды нет.

— А когда в бане вода будет?

— Возможно, вечером, часа через два. По утрам бывает чаще.

В виду того, что дневную свою работу вы обыкновенно откладываете на вечер, когда работаете сверхурочно, вы покидаете негостеприимную баню до следующей субботы. Проходя по соседству мимо трактира, который содержит невежественный в инженерных науках дядя Кузьма, вы мысленно склоняете колени перед его гением: в трактире всегда избыток воды, в которой такой недостаток в бане военно-инженерной дистанции, хотя каждый из многочисленных посетителей дяди Кузьмы выпивает никак не меньше трех банных тазов кипятку, обсуждая грядущий всемирный потоп и близкое пришествие антихриста.

Смиренно подавая следующим днем два пуда „исходящих" на подпись своего высшего начальства, вы с крайней осторожностью докладываете о банном непорядке начальнику, который равнодушно говорит:

— А я полтора года в бане не мылся. То некогда, то ремонт в банях. Все тело в бородавках. Такой уж городок здесь.

Приняв к сведению такое замечание, вы принимаете мудрое решение отправиться в баню утром, когда вода чаще бывает.

* * *

Утро.

Предвкушая сладость омовения, не сожалея, что валенки, шубу и перчатки вы оставили в раздевальной, повертываете кран, который явственно произносит:

— Пусто!

— Котел изломался,—мрачно поясняет голый сосед.—Говорят через полчасика наладится.

Подобно пушкинскому утопленнику, сосед посинев и весь распух, на лице покорность банному року.

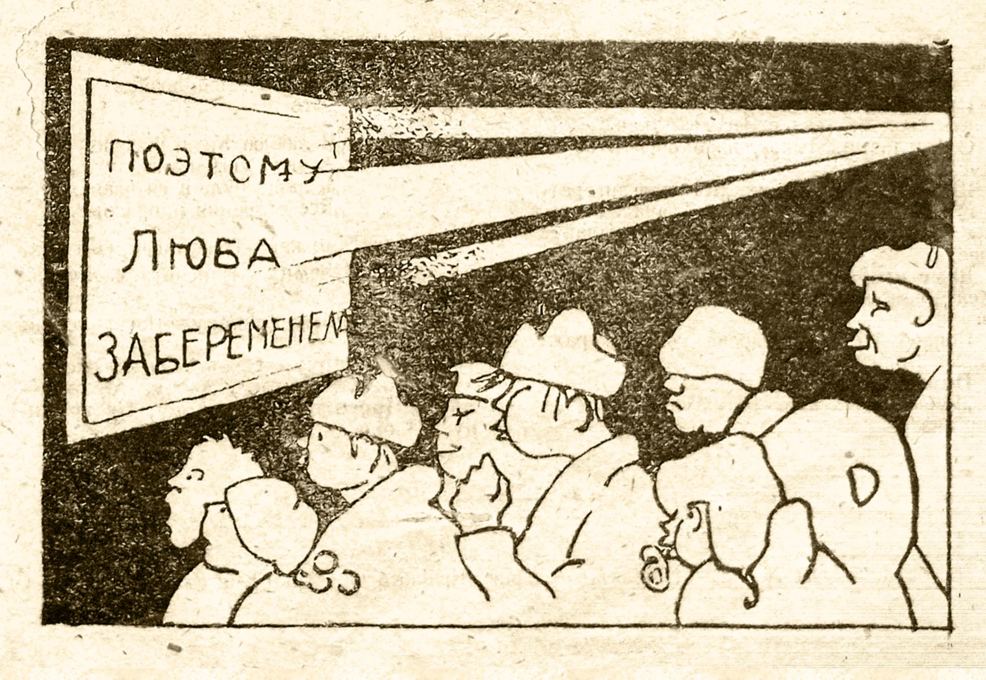
— Ушел бы домой, кабы не это, —показывает он на голову, которая густо намылена.

Тогда вы внезапно принимаете мудрейшее решение, которому позавидовал бы библейский Соломон. Вы идете в раздевальню, возвращаете таз служителю и получаете из ящика свой портфель и прочие пожитки с бесплатной премией в виде крошечных серых зверьков в складках вашей одежи.

— У меня тоже бородавки по телу,— извещаете вы через полгода начальника, подавая на подпись установленные пуды „исходящих".

К. Вадрат.

Из программы кино „АРС"

Веселый Ткач за работой

Почтовый ящик.

Иваново, Лычку.—„Можно ли мне прислать свои изделия в Веселый ткач?“.

С изделиями, Лычок, надо обратиться в Кустарьсоюз.

Шуя, Кимаю.—Стих. „Не пора ли, братцы“ поместили в № 6 Красн. Ткача. Остальное используем в Веселом. Присылайте еще.

Даме в красном.—„Я очень скучаю и, желая чем нибудь заняться, решила писать стихи.

Попробуйте лучше дрова колоть, гражданка. Пользительнее.

Пиону.—Пион пишет:

„Куры кудахтали, петух пронзительно визжал“.

Не кудахтали, вероятно, а смеялись куры, что Пион сочинять начал.

Ткачу с Рылихи.—Используем.

Студенту Джо.

„Я люблю Катю ужасно
„А она—увы и ах!
„Я лишь нуль в ея глазах“,
„Все старания напрасны“.

А с зачетами как? Тоже, поди, увы и ах?

Середа, Туземцу—Напечатаем. Журнал вышлем.

Безработному граверу.—Пасквилей не помещаем.

Ежу [illegible]ковичу.—Слабо, без колючек.

Иванову, Копчику, А—ву, Меланхолику, Проезжему, Второву, Пеструхину.—Плохо.

История одного спеца.

Во дни пайкового режима,
Тая свой ценз, жил некий спец
Спекулятивным пилигримом,
Измерившим свой край родимый,
В вагоне, из конца в конец.

Но—годы шли. И спецам манну
Сулит обильней неба нэп.
Из мглы небытия туманной
Героя ценз, как луч нежданный,
Возник—и духом спец окреп.

И нэпит он на теплом месте.
Кочевья скорби—позади.
Уж он то—сё дарит невесте
И—что к его, конечно, чести
Палаты видит впереди.

Но, видно с волчьим аппетитом
Пришел под небо нэпа он.
И хоть творил все шито-крыто,
Но был каким-то следопытом
В шагах широких уличен.

И снова скорби дни настали.
Кто мог подумать?.. Кто бы мог?..
..Донос...Губсуд.. Все, все узнали!..
И вот—в награду спецу дали
Тюремный тихий уголок.

Китайченок.

Пред магвитриной.

(Лирический опыт современной экономии слов).

Лунсвет сиял на снежпанели
И на блестеклах магвитрин,
За каковыми золотели
Бутылки виноградгумвин.

Я подошел к витрине мага,
Вперив в гумвина жадновзор.
О, как влекла меня спиртвлага,
Какой в груди пылал костер!

Я думал:
—„Хорошо-бы выпить
Двадцатиградусных гумвин!“
Взбурли спиртвлагой Уводь, Припять,—
Я высосал-бы их один.

Но был поздчас. Гуммаг был заперт.
Лунсвет ложился кружтесьмой
На снежпанель и ближцеркпаперть.
Я сплюнул и .. пошел домой!

А. Троицкий.

После 12-й бутылки.

— „Иван и ты, Гришуха,
стойте! Вот
Что я надумал, братцы:
Неплохо-б нам совсем в пивнуху перебраться,
Да перенесть в нее и наш завод“.

А. Троицкий.

Кто он?

Все видит, все слышит.
Услышит—напишет
В „Веселом Ткаче“
О жадном рваче,
О темном дельце,
О плуте—купце..
Он зорок и скор.
Так кто-ж он?
— Рабкор!

Ив.-Возн. Гублит № 581. Типо-литография «Красный Октябрь» Книгоиздател. Т-ва «ОСНОВА». Ив.-Вознесенск. Тираж 5.000 экз.